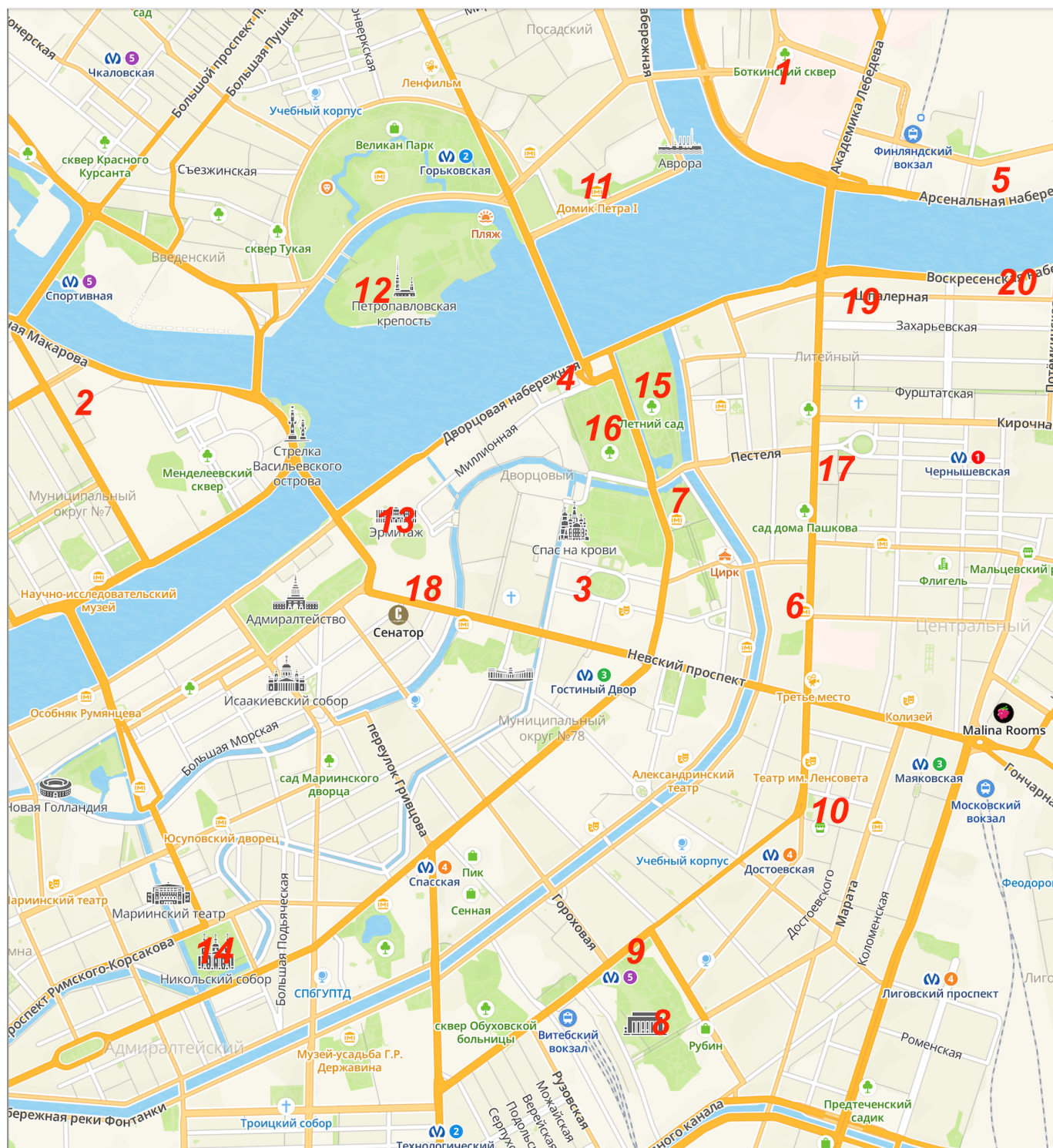

Все это – мой Ленинград...

1. Внимательно прочитайте на второй странице отрывок из автобиографической прозы А. А. Ахматовой и, пользуясь любыми источниками, составьте легенду к этой карте. Объекты, упоминающиеся в тексте, указаны красными цифрами. При необходимости добавьте свои, дополнительные цифры.
2. Какие объекты, если судить с точки зрения современных исследователей, Ахматова указывает не совсем точно?
3. Как вы думаете, к кому обращен этот текст?
4. О каком событии 14 августа 1946 года пишет А. А. Ахматова?
5. Поясните все важные имена, встречающиеся в этом тексте.
6. Отметьте на карте место, где сейчас стоит памятник А. А. Ахматовой.

Набросок

19 апреля 1962 Ленинград – Москва

Это написано для Вас, это Вам почему-то пришло в голову в великолепном марте 1962 года показать мне (может быть, в последний раз) сквозь беспощадное солнечное сияние страшный фон моей жизни и моих стихов: от разбойной безиконной столовой в Петровском домике и чудовищной могилы царевича Алексея под лестницей в Петропавловском соборе до пруда, куда в 1917 году бросили труп Распутина. И пустые окна Мраморного дворца ("*Там пью я с тобой золотое вино...*") и угол Марсова Поля, откуда не хочет и не может уйти моя поэма; и ворота, в которые мы когда-то входили, чтобы по крутой подвальной лестнице сойти в пеструю, прокуренную, всегда немного таинственную "Бродячую собаку"*; и на Жуковской "*вылеп головы кобыльей*", который я видела в последний раз в день смерти Маяковского. Стену бывшей конюшни ломали, серый двухэтажный особняк надстраивали. И самый страшный дом в городе (угол Садовой, наискосок от Никольского рынка) – там Раскольников убил старуху. Дом этот совсем недавно снесли, и на его место поставлен пузатый урод.

Первый (нижний) пласт для меня – Петербург 90-х годов, Петербург Достоевского. Он был с ног до головы в безвкусных вывесках (белье, корсеты, шляпы), совсем без зелени, без травы, без цветов, весь в барабанном бое, так всегда напоминающем смертную казнь, в хорошем столичном французском языке, в грандиозных похоронных процессиях и описанных Мандельштамом высочайших проездах.

Мимо Фонтанного Дома мы, кажется, не проезжали. Это было бы уже слишком...

Снятые давным-давно надписи: "*Дому сему подобает святыня Господня в долготу дней*" на Инженерном замке, "*Господеви помолитесь во святем дворе его*" на Владимирском соборе – выступали на фронтонах.

Гигантская копилка у церкви (где я слушала "*канон Андрея Критского*") и на которой было написано: "Где сокровище ваше, там и сердце ваше", снова стояла на своем месте.

...И два окна в Михайловском замке, которые остались такими же, как в 1801 году**, и казалось, что за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский, и Фонтанный Дом – целая симфония ужасов: от тишайших – "*Шереметевские липы, переключка домовых...*" до мирового резонанса 14 августа 1946 года:

*Я была со всеми,
С этими и с теми,
А теперь осталась
Я сама с собой.*

И военная прокуратура на Невском рядом с знаменитой лавкой "Смерть мужьям"; и чайки около Литейного моста, через который я ходила в тюремные очереди под Крестами (тюрьма № 1) – "*...и трехсотая с передачей...*"; и Арка Штаба, где был военный суд и где судили сына; и Летний – первый, благоуханный, замерший в июльской неподвижности, и второй, под водой в 1924 году, и снова Летний, изрезанный зловонными рвами – щелями (1941); и Марсово – плац-парад, где ночью обучали новобранцев в 1915 году (барабан), и Марсово – огород, уже разрытый, полузаброшенный (1921), "*под тучей вороньих крыл*"; и ворота, откуда вывозили на казнь народовольцев, и близко от них – грузный дом Мурузи (угол Литейного), где я в последний раз в жизни видела Н.С.Гумилева (в тот день, когда меня нарисовал Ю. Анненков).

...И друзья, превратившиеся в мемориальные доски (Лозинский); и Соловьевский переулок, куда мы не переехали из-за войны 1914 года ("*Как щелочка чернеет переулок...*"); и меблированный дом "Нью-Йорк" (против Зимнего дворца), где меня писал Натан Альтман, и откуда я выходила через окно седьмого этажа, "чтоб видеть снег, Неву и облака", и шла по карнизу навестить Веню и Веру Белкиных.

Все это – мой Ленинград...

---

* См. "Последние полчаса в "Собаке"". Это было так: Б.В.Томашевский зашел за мной, чтобы отвести меня на канал Грибоедова в сентябре 1941 к дворнику Мосею, в бомбоубежище. Мы на Михайловской площади вышли из трамвая. Тревога! - всех куда-то гонят. Мы идем. Один двор, второй, третий. Крутая лестница. Пришли. Сели и одновременно произнесли: "Собака".

** Комната была заперта до 1917 года.